

ЛИТЕРАТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В СОВЕТСКИХ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ (1922–1934)

Артем Кравченко
(Москва)

Моделирование образа врага в советских детских журналах 1922–1934 гг. в этой статье будет рассмотрено на материалах центральных московских детских изданий. Наш выбор объясняется тем, что эти издания находились под наиболее последовательным контролем властей и изначально были тесно связаны с деятельностью комсомола в сфере воспитания детей, они же во многом стали образцом для региональных детских изданий. Это «пионерские» журналы: «Пионер» (с 1924 г.), «Барабан» (1923–1925 гг.), «Юные товарищи» (1922 г.). А также журнал, ориентированный на более младшую аудиторию, «Мурзилка» (с 1924 г.) и журнал, рассчитанный на детей из сельской местности, «Колхозные ребята» (1927–1952 гг.).

В качестве первых советских детских журналов обычно называют «Красные зори» Л. Кормчего и «Северное сияние» М. Горького. Но их выпуск носил во многом эпизодический характер, поэтому имеет смысл ориентироваться на журналы, которые стали выпускать с 1922 г. Именно в этом году, 16–19 мая II Всероссийская конференция РЛКСМ официально поручает «разработать вопрос о детском движении» [Товарищ комсомол 1969: 67–83]. К началу 1920-х гг. в Советской России среди партийной бюрократии прочно утвердилось представление о том, что детская печать является мощным средством влияния на подрастающее поколение¹. Естественно, главной контролирующей и направляющей силой в этой сфере должен был стать партийный и государственный аппарат: «Необходимо приступить к созданию литературы

¹ См., например, резолюцию VI съезда РКСМ «Об очередных задачах детского коммунистического движения» [Товарищ комсомол 1969: 150–168].

для детей под тщательным руководством и контролем партии» [КПСС в резолюциях 1970: 86–122]².

На заседаниях Бюро ЦК РКСМ в этот период довольно подробно обсуждалось то, что именно должен знать читатель советских детских СМИ. Но главное, выдвигался целый ряд задач, подразумевавший создание фигур врагов определенного рода. Так, нужно было «развивать пролетарское классовое самосознание», «знать, как жили раньше рабочие в своей фабрике», «как живут и борются сейчас заграничные рабочие», а «антирелигиозное воспитание должно занять одно из главнейших мест во внутривоспитательной работе»³.

Иногда ЦК ВЛКСМ даже непосредственно работал над «концепциями» отдельных детских журналов. В 1926 г. он выпустил постановление «О журнале для крестьянских детей», в котором не только регламентировал будущие разделы журнала (один из них должен был называться — «наши друзья и враги»), но и выделял конкретные предпочтительные темы: «Могут быть рассказы, рисующие в понятной форме деревенским детям отдельные эпизоды из героической борьбы Красной Армии во время гражданской войны». Или: «Необходимо также периодически давать очерки из жизни буржуазных детских организаций, <...> вскрывая сущность их антипролетарской деятельности»⁴.

Чего же удалось добиться в области репрезентации врага в детских журналах? Кого и как представляли? Прежде всего, стоит рассмотреть те действия, которые совершают «враги». Так, они применяют физическую силу (бьют, пытаются) и лишают свободы (сажают в тюрьму, запирают). Но можно обозначить также еще целый ряд действий, которые совершаются ими достаточно часто: они пытаются обмануть, перехитрить, запугать. Иногда — бегут, прячутся или преследуют кого-либо. Нередко — начинают войну или стремятся к ее началу. Могут кричать, ругаться, запрещать что-либо, вести слежку и просто воровать или грабить.

² Резолюция «О работе среди молодежи» XIII съезда РКП(б).

³ Подробнее см.: РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 3. Д. 12. Л. 221–241. Важно также отметить, что антирелигиозное воспитание (в отличие от безрелигиозного) подразумевает активную борьбу с религией и его «обличение» (см.: [Шевченко 2007]).

⁴ Подробнее см.: РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 23. Д. 388. Л. 64–67.

Далее попытаемся выделить несколько наиболее часто встречающихся образов «врагов». Условно их можно обозначить как «буржуй», «кулак», «поп», «белый», «полицейский», «скаут», «фашист», «колонизатор», «воспитатель». Можно выделить также «вредителя», «меньшевика», «нэпмана» и «вора», но частотность их появления на страницах журналов значительно ниже, и мы не будем рассматривать их отдельно (к тому же «поп» и «кулак» также нередко выступают в ипостаси «вредителя» или «вора», особенно с конца 1920-х гг.).

Что касается «буржуя», то этот персонаж присутствует в том или ином виде во всех журналах на протяжении рассматриваемого периода (хотя нередко его называют «капиталист», «угнетатель» и пр.). Его ключевыми чертами обычно являются богатство и жадность. Обычно это толстяк, но иногда наоборот встречаются чрезмерно худые «буржуи». Если говорить в целом, то наиболее типичное описание таково:

Ходят важно, чисто лорды,
Полны денег кошельки,
Толсты шеи, круглы морды,
И цилиндры высоки [Кино-поэма 1925].

В то же время сам характер употребления слова «буржуй» был крайне разнообразным и далеко не всегда даже отдаленно связанным с буржуазией. Можно легко встретить пассажи в духе: «Столетиями Россия жила под гнетом царской власти <...> царь вместе с богачами пропивал народные деньги и в угоду капиталистам затевал одну войну за другой» [О годовщине Революции 1923: 1–3].

Что касается персонажей-кулаков, то можно проследить этапы эволюции их образов. Сначала (середина 1920-х) «кулак» предстает как угнетатель более слабых сельских жителей. Он является неким «аналогом» буржуя за пределами СССР. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. внимание к «кулаку» заметно активизируется. Наконец, к 1933–1934 гг. вместе с тезисом об исчезновении кулачества как класса постепенно происходит изменение персонажей-«кулаков». Теперь они встречаются не столь часто и нередко это просто воры и вредители, люди, находящиеся за пределами колхоза. В целом, границы того, кто является кулаком в детских журналах, очерчены не слишком ясно. По большому счету любой, кто выступает как противник советской власти на селе, может быть

назван «кулаком» [Рыжов 1924: 11–20]. Важно также заметить, что ненависть «кулаков» к советской власти нередко изображается как иррациональная по своей природе. Так, в рассказе «Огнеглазый шайтан» казахский кулак («бай») Оглызан с сообщниками идет избивать палками паровоз, стоящий на строящейся советскими властями железной дороге [Померанцев 1931: 12–13]. Кроме того, во многих художественных текстах персонажам «кулакам» противостоят не взрослые, а дети (узнают о коварных замыслах, вредительстве и пр.).

В случае с «врагами»-священнослужителями проследить очевидную динамику в изменении характера этих персонажей в детских журналах не удастся. Возможно, особую роль в устойчивом присутствии антирелигиозных сюжетов играла активная журналистская работа Е. Ярославского. При этом часто разоблачителями «попов» выступали именно пионеры или другие «сознательные дети».

Относительно персонажей «воспитателей» и «учителей» стоит оговорить, что они выступают как фигуры отрицательные только за пределами СССР и в России дореволюционных времен. Они избивают детей, заставляют их учить фашистские гимны и т. п. Но при этом всегда оказываются глупее «революционных» детей и ничего не способны им противопоставить кроме насилия. Дети же напротив — цельные персонажи, абсолютно уверенные в своей правоте и не поддающиеся на давление [Бунтовщик Чарли 1925: 14–16]. Зато внутри СССР возникают сюжеты с враждебным поведением родителей. Они часто не понимают социалистических новшеств, бьют своих детей, пытаются приучить их к религии, не пускают в пионеротряд и т. п. Даже само название одного из рассказов: «У бабушки в плену» [Пий 1925: 2–4] во многом характеризует роль и место родственников в жизни юных пионеров.

Что касается «полицейских», то эти персонажи, как и «воспитатели», не претерпевают существенных изменений за рассматриваемый период. Также как «воспитатели» они выступают в качестве врагов только за пределами СССР (т. е. либо за границей, либо до революции). Противостоят им нередко тоже именно дети. В рассказе «Ганс-карапуз» жандарм отнимает красный флаг у ребенка, но тот хитростью возвращает его [Тамберлин 1924: 7–9]. Характерно, что эти персонажи практически всегда глупы и примитивны. Они практически во всех случаях либо применяют фи-

зическую силу, либо допрашивают своих пленников (безуспешно), либо сажают в тюрьму.

Что касается «белых» («белогвардейцев», «офицеров»), то иногда они по характеру своих действий очень похожи на «полицейских». Но в то же время в 1920-х гг. в журналах периодически встречаются сюжеты, в которых белые предстают как не совсем однозначные персонажи — во всяком случае «достойные противники». Например, сложно не воспринять как комплимент такое восклицание одного персонажа-красноармейца: «Да ведь это гренадер. Вот уж с таким раненым я не справлюсь! Этот будет драться, так будет драться по-военному» [Лебедев 1934: 5–8]. При этом само понятие «белый», «белогвардеец» нередко относится ко всему враждебному, несоветскому. Например, в школе можно «вести борьбу против белогвардейских учителей» [Наши враги 1923: 10–13].

Часто присутствует в детских журналах также образ «колонизатора». Фактически он мало чем отличается от заграничного «буржуя», но с акцентом на угнетение именно туземцев. Так же, как и «буржуи», он ведет богатый, расточительный и бессмысленный образ жизни: «европейцы пьют и курят, курят и пьют» [Барто 1924: 12].

Что касается персонажей «скаутов», то устойчивые негативные коннотации появляются в отношении них не сразу. Так в 1922–1923 гг. в журналах можно найти несколько нейтральных упоминаний. Но достаточно быстро скауты становятся «антиподами» пионеров: «Что они делают — все эти “скауты”, “следопыты”, “балила” и т. д.? Из них буржуазия готовит людей, которые смогут быть хорошими надсмотрщиками над рабочими, или послушными рабами своих господ» [Наши враги 1923: 10–13].

Наконец, несколько слов о «фашистах». Больше всего они напоминают по своему поведению полицейских — также очень часто применяют физическое насилие, проводят допросы [Гринберг 1934: 10–12]. При этом с течением времени внимание к врагу-«фашисту» в детских журналах заметно возрастает. В то же время если сравнить частотность упоминания слова «фашист» в приблизительно одинаковых объемах номеров журнала «Пионер» 1924 г. и 1934 г., то получим соотношение 10:18⁵. Это оче-

⁵ Сравнение по: Пионер. М., 1924. № 1–10 и Пионер: двухнедельный детский журнал. М., 1934. № 1–9.

видно отражает актуализацию этого вражеского образа, последовавшую за изменениями во внешнеполитической ситуации. Здесь видна корреляция с изменением положения дел в Европе конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Таким образом, можно сказать, что в рассматриваемый период формируется устойчивый спектр персонажей-врагов в советских детских журналах. Ряд из них обладает устойчивыми признаками и характеристиками, которые остаются неизменными в течение всего рассматриваемого периода (вне зависимости от политических изменений в стране и смены редакторской политики). В то же время советские детские журналы довольно оперативно реагировали на изменение социально-политической реальности, внося коррективы в образы врагов. Так, кулак из богача-эксплуататора к началу 1930-х гг. постепенно превращается скорее в персонажа, занимающегося вредительством и воровством. Также очевидна реакция и на изменения во внешнеполитической ситуации, которая выражается, например, в усилении внимания к персонажам «фашистам».

Ряд персонажей «врагов» имел очень расплывчатые критерии выявления. Так, единственным, что объединяло всех «кулаков», кажется их проживание в сельской местности и тайное или явное противостояние советской власти и большинству крестьянской общины/колхоза. «Буржуем» мог быть назван практически любой персонаж, который противостоял коллективным интересам трудящихся/советской власти. «Белогвардейцем» мог быть маркирован любой, кого можно заподозрить в симпатии к воинским традициям «буржуазного режима» (неважно, в России или за ее пределами) или вообще в склонности к старорежимной дисциплине (вплоть до школьного учителя). Подобная размытость границ кажется неслучайной. В условиях формирования культуры эпохи сталинизма создатели текстов для детей, очевидно, сами часто не осознавали достаточно четко границы и критерии, отделяющие «врагов» от «не-врагов». Впрочем, их тогда и не существовало. Соответственно эта неустойчивость и гибкость границы транслировалась и в художественные тексты детских журналов того времени.

Что касается роли детей в борьбе с «врагами», то вплоть до начала 1930-х гг., несмотря на усиление влияния консервативных тенденций в советской культуре, на страницах журналов дети продолжали часто самостоятельно противостоять «врагам». Впро-

чем, стоит отметить, что усиление роли взрослых, «старших товарищей» все же было заметным. Так, например, совсем неправдоподобные сюжеты, где дети самостоятельно одерживали победу над взрослыми «врагами», все-таки уступили место сюжетам, в которых дети обнаруживали преступления или заговор и сообщали об этом взрослым, в первую очередь — представителям советской власти.

Наконец стоит отметить, что существовавшие за пределами СССР персонажи-враги не присутствовали в СССР и наоборот. Таким образом, проводится достаточно очевидная демаркационная линия, которая к началу 1930-х гг. становится еще более яркой. Исключение составляют, пожалуй, только персонажи священники («попы» разных конфессий), но в этом случае, опять же, они в значительно большей степени представлены внутри СССР, а не вовне (где чаще всего не являются ключевыми «врагами»). В то же время можно провести аналогии между некоторыми персонажами внутри и вне СССР. Так, кулаки внутри СССР и буржуа вне его явно обладают схожими чертами (и часто идут «в паре» с представителями религии в «ведущей» роли). В этом смысле изменение роли «кулаков» в советских журналах косвенно подчеркивает увеличение «дистанции» между «капиталистическим миром» и СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Барто 1924: *Барто А.* Ван-Ли // Пионер. М., 1924. № 10. С. 12–13.
- Бунтовщик Чарли 1925: Бунтовщик Чарли // Мурзилка. М., 1925. № 10. С. 14–16.
- Гринберг 1934: *Гринберг А.* Австрийские рассказы // Мурзилка. М., 1934. № 4. С. 10–12.
- Кино-поэма 1925: Кино-поэма «Вокруг света». Митька в Британии // Мурзилка. М., 1925. № 8. 3 обложка.
- КПСС в резолюциях 1970: КПСС в резолюциях. Т. 3: 1924–1927. М., 1970.
- Лебедев 1934: *Лебедев В.* Рассказ Василия Петровича // Пионер. М., 1934. № 3. С. 5–8.
- Наши враги 1923: Наши враги и наши братья, во всем мире // Барабан. М., 1923. № 2. С. 10–13.
- О годовщине Революции 1923: О годовщине Окт. Революции // Барабан. М., 1923. № 2. С. 1–3.

- Пий 1925: *Пий А.* У бабушки в плену // Мурзилка. М., 1925. № 7. С. 2–4.
- Померанцев 1931: *Померанцев В.* Огнеглазый шайтан // Пионер. М., 1931. № 2. С. 12–13.
- РГАСПИ: Российский государственный архив социально-политической истории.
- Рыжов 1924: *Рыжов А.* Тайна кооператива // Барабан. М., 1924. С. 11–20.
- Тамберлин 1924: *Тамберлин В.* Ганс-карапуз // Мурзилка. М., 1924. С. 7–9.
- Товарищ комсомол 1969: Товарищ комсомол. Документы съездов, конференции и ЦК ВЛКСМ (1918–1968). Т. 1: 1918–1941. М., 1969.
- Шевченко 2007: *Шевченко В. А.* Формирование антирелигиозных представлений советской школой. 1927–1932. Дисс. ... канд. ист. наук / Науч. рук. докт. ист. наук, проф. Т. Ю. Красовицкая. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2007.